

СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДОХОДАМ

Н.Е. ТИХОНОВА

Стратификация по доходам в России на фоне других стран*

В статье, продолжающей тему предыдущей статьи (см. ОНС 2017, № 2), на основе данных ряда общероссийских опросов проведен анализ особенностей модели доходной стратификации российского общества в сравнении с другими странами (Германией, Венгрией, Болгарией, Венесуэлой, Мексикой и Китаем). Показано, что модель стратификации по доходам, в основу которой положен принцип соотнесения среднедушевых доходов в конкретном домохозяйстве с медианными доходами в стране, хорошо фиксирует особенности, связанные с разными моделями социума. На основе данных сравнительного международного исследования “*International Social Survey Programme*” (ISSP) продемонстрировано, что модель доходной стратификации российского общества типична для европейских стран. В то же время по глубине доходных неравенств Россия занимает промежуточное положение между европейскими странами и странами бывшего “третьего мира”.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, доходы, социальный статус, модернизация, бедность.

В предыдущей статье [Тихонова 2017] я подробно охарактеризовала сформировавшуюся в России модель доходной стратификации. В частности, учитывая, что построение таких моделей, как правило, начинается с определения численности бедных, в ней было показано, что вопреки расхожим мифам о бедности как норме жизни российского населения наибольшая его часть сосредоточена сейчас в группе с медианными доходами, в полтора с лишним раза превышающими официально установленный прожиточный минимум. При этом последний почти на четверть превосходит

* Статья подготовлена в рамках проекта “Анализ социально-экономического неравенства и перераспределительной политики, оценка уровня и качества жизни различных социальных групп и исследование факторов здорового и активного долголетия”, входящего в Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2016 г.

Тихонова Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор-исследователь Департамента прикладной экономики и главный научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: Москва, 101000, Мясницкая ул., 20. E-mail: ntikhonova@hse.ru

в России черту уязвимости к бедности и почти втрое превосходит черту бедности для развивающихся стран¹.

Такая ситуация с прожиточным минимумом отражает общий уровень развития нашей страны и восприятие в общественном сознании россиян самого феномена бедности, которая давно интерпретируется ими как невозможность поддерживать, в силу нехватки денежных средств, характерный для большинства населения образ жизни [Мареева, Тихонова 2016], а не просто отсутствие средств для физического выживания. В рамках такого подхода к бедным относятся многие из тех, чьи доходы выше формально установленного в стране прожиточного минимума [Бедность... 2014].

Расхождения в оценках ситуации с бедностью при разных подходах к ней, как и само их наличие, не случайны. В странах, находящихся на различных этапах исторического развития, используют обычно разные варианты концептуализации феномена бедности и методик выявления бедных. Применительно к развитым странам речь идет обычно об относительной бедности, то есть бедными там считаются те, кто находятся в неблагоприятном по отношению к большинству членов данного сообщества положении. В развивающихся же странах бедность трактуется обычно через призму так называемой абсолютной бедности, и бедными считаются те, чей доход ниже прожиточного минимума, обеспечивающего лишь элементарное выживание человека. Так, в Индии черта бедности вплоть до 2014 г. рассчитывалась по стоимости 650 грамм зерна в сутки [Planning... 1978] (именно такое количество пищи, по расчетам индийских специалистов, не позволяет человеку умереть от истощения).

Соответственно, и модели доходной стратификации, построенные с использованием абсолютного или относительного подхода к выявлению бедных, различаются очень сильно. При этом Россия пока официально использует практику выявления бедных, характерную для развивающихся стран, хотя размер установленного прожиточного минимума и восприятие феномена бедности в российском обществе свидетельствуют о том, что наша страна принадлежит в этом отношении скорее к развитым странам.

Такой дисбаланс создает серьезную путаницу при диагностировании как общего состояния российского общества, так и места России среди других стран. По ситуации с доходной стратификацией, и бедностью в частности, можно дать оценку степени развитости того или иного общества. Например, известно, что развитые страны при переходе к позднеиндустриальному этапу развития характеризовались появлением массового среднего класса. Что же касается доиндустриальных обществ, то типичным состоянием их населения была бедность.

Более того, тем или иным историческим эпохам и экономическим укладам свойственны не только различные размеры отдельных слоев в доходной стратификации, но и разные типы бедности [Аникин, Тихонова 2014; Аникин, Тихонова 2016], доминирование которых прямо влияет на модель доходной стратификации. Так, доиндустриальная (а применительно к сегодняшней ситуации, точнее, прединдустриальная) бедность существует в формах массовой сельской бедности и бедности люмпенизированных городских низов в период взрывной урбанизации. Доиндустриальная сельская бедность обусловлена наличием значительного избыточного сельского населения и низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, носящего натуральный или полунатуральный характер. Прединдустриальная бедность

¹ В соответствии с методикой Всемирного банка [Всемирный банк 2014, с. 33] черта уязвимости к бедности проходит на уровне 10 долларов США с учетом паритета покупательной способности (ППС), составившего в 2015 г. 1 долл. = 23,97 руб. [The World bank 2016^a]. Это означает, что черта уязвимости к бедности проходила в России в 2015 г. примерно на уровне 7191 руб. среднедушевых доходов в месяц при прожиточном минимуме по стране в 9701 руб. [ФСГС РФ 2016^a]. Что же касается собственно бедности, то ее граница на тот момент проходила в соответствии с методикой Всемирного банка (причем речь идет о максимальной из всех границ бедности, которые используются в этой методике применительно к разным типам развивающихся стран) на уровне 3596 руб. в месяц (5 долл. в день) и была в 2,7 раза меньше официального прожиточного минимума на тот момент.

люмпенизированных городских низов в ее классическом варианте, известном еще из истории развитых европейских стран XVIII–XIX вв., возникает как следствие неконтролируемой стихийной миграции в города из перенаселенной сельской местности. В обоих случаях речь идет о массовой бедности вообще и широком распространении глубокой бедности в частности, хотя во втором случае численность бедных в структуре общества все же меньше, чем в первом, как меньше в ней и доля представителей глубокой бедности.

Индустриальная бедность характерна для всех стран, находящихся на этапе промышленного развития. Она обусловлена избыточным предложением низко- и среднеквалифицированного труда и низкими зарплатами этой части трудящихся. Это “бедность эксплуатируемого труда”, когда соотношение спроса и предложения на определенных сегментах рынка труда для работников складывается особенно неблагоприятно. В индустриальных обществах доля бедных тем выше, чем больше у работодателей власти на рынке труда и чем слабее переговорные позиции работников (что во многом связано с политическим строем в стране и курсом ее руководства).

Индустриальная бедность, как и преиндустриальная, обычно анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, хотя прожиточный минимум в странах с доминированием индустриального типа бедности задается обычно исходя не из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека, а с учетом необходимости обеспечения межпоколенческого воспроизводства достаточно квалифицированной рабочей силы. Если говорить о моделях доходной стратификации обществ с доминированием индустриального типа бедности, то это обычно общества с относительно многочисленными средними слоями, очень сильной растянутостью доходной стратификации по вертикали и сравнительно низким уровнем медианы доходов.

Что же касается постиндустриальной бедности, то ее экономической основой являются структурные изменения в экономике при переходе к пятому и шестому технологическим укладам и рост конкуренции за рабочие места в рамках международного рынка труда. Принципиальное отличие постиндустриального типа бедности от индустриального заключается в том, что, хотя эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не локальный, а глобальный рынок. После выноса рабочих мест, предполагающих низкий уровень доходов, в развивающиеся страны, проходящие период индустриализации, бедность, особенно глубокая бедность, начинает все больше восприниматься в развитых странах как серьезное отклонение от нормы. При этом большинство населения сосредоточено там в многочисленных средних слоях. И хотя в последние десятилетия наметилась тенденция к размыванию этих слоев, однако это приводит не только к росту уязвимости к рискам бедности части их представителей, но и к увеличению численности высокодоходных слоев.

Таким образом, *модель доходной стратификации общества и численность среднедоходных или бедных слоев в нем напрямую зависят от степени его развитости и этапа продвижения страны по пути социально-экономической модернизации*. Сразу оговорюсь, что модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке, как процесс, протекающий в разнообразных формах, с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством экономической²,

² Под экономической модернизацией я подразумеваю индустриализацию, коммерциализацию сельского хозяйства, переход к новым технологиям, основывающимся на систематическом применении научных знаний, развитие вторичного и третичного секторов экономики за счет относительного сокращения значения отраслей первичного сектора и т.д.

социальной³, культурной⁴, демографической⁵, социокультурной⁶ и политической⁷ модернизации.

Если посмотреть на современную Россию с этой точки зрения, то мы увидим, что не только по ситуации с бедностью, но и по другим ключевым параметрам наша страна существенно отличается от подавляющего большинства развивающихся стран. Активная индустриализация в России началась, как известно, еще в конце XIX в., и уже около 80 лет наша страна — крупная индустриальная держава, многие отрасли экономики которой вполне конкурентоспособны на международном уровне. Более того — еще в последней трети XX в. в России начался переход от индустриального к поздне-индустриальному обществу, и в настоящее время свыше половины работающего населения (63,1%) страны заняты в сфере услуг [ФСГС РФ 2016^b]. В отраслях первичного сектора (сельское и лесное хозяйство, рыбоводство и рыболовство) заняты сейчас всего 9,4% работающего населения [ФСГС РФ 2016^b]. Процесс урбанизации в России также завершился достаточно давно — нынешняя поселенческая структура, при которой три четверти населения проживают в городах, сформировалась еще в середине 1970-х гг. При этом значительная часть жителей сел также занята в городах, а роль подсобного хозяйства в их жизни резко сокращается⁸. Не только первый, но и второй демографические переходы с характерным для них резким падением смертности и рождаемости завершились в России более полувека назад. Наконец, в России действует, хотя и не всегда столь эффективно, как хотелось бы, сеть социально-экономических институтов, свойственных именно развитым европейским странам, — всеобщее пенсионное и медицинское страхование, обязательное обучение всех детей в средней школе, достаточно жесткое трудовое законодательство и т.д.

Все это говорит о том, что Россия, как и подавляющее большинство других европейских стран, уже давно и успешно завершила процесс основных модернизационных преобразований. А поскольку тип, глубина и распространенность бедности в стране зависят от того, на каком этапе этих преобразований находится соответствующая страна, то и проблема бедности как проблема физического выживания в России в основном решена. Действительно, сложно говорить о физическом выживании, когда даже представители нижнего доходного дециля (10%-ной группы населения с наименьшими доходами) потребляют в год на человека почти 70 кг мяса, рыбы и продуктов из них и имеют в домохозяйствах довольно полный набор имущества — у 33% есть автомобили, у 80% — персональные компьютеры, у 98% — стиральные машины и т.д. [ФСГС РФ 2016^b]. Соответственно, для выделения бедных и построения модели доходной стратификации целесообразнее использовать относительный подход, при котором как основу для построения модели используют медиану доходов населения.

³ Под социальной модернизацией я подразумеваю урбанизацию, растущую дифференциацию общества и умножение выполняемых индивидами социальных ролей, формирование классовой модели социальной структуры, изменение механизмов социального контроля (упадок традиционного авторитета и традиции с переходом доминирующей роли к “писаному праву”) и т.д.

⁴ Под культурной модернизацией я подразумеваю секуляризацию общественного сознания, резкий рост образованности населения, становление новой культурологической парадигмы, акцентирующей внимание на прогрессе, толерантности к “иному” и “другому” в условиях плюрализации форм общественной жизни, и т.д.

⁵ Под демографической модернизацией я подразумеваю резкое сокращение смертности и рождаемости.

⁶ Под социокультурной модернизацией я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локуса-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

⁷ Под политической модернизацией я подразумеваю формирование институтов, обеспечивающих общественный консенсус и легитимизацию власти в условиях плюрализма общественных интересов, то есть политических партий, парламента, избирательного права, тайного голосования и т.д.

⁸ В сельской местности, судя по данным ИС РАН, лишь около 40% жителей имеют сейчас в собственности землю и даже во время последнего экономического кризиса, когда роль подсобного хозяйства выросла, более чем у 60% жителей сел в число основных источников их доходов не входили виды деятельности, связанные с производством и/или продажей сельскохозяйственной продукции [Российское... 2016]. Это свидетельствует о том, что переход к урбанизированной модели занятости в селах уже завершается.

Значит ли это, что и построенная в рамках относительного подхода модель доходной стратификации российского общества будет выглядеть как типичная для европейских стран? И как вообще выглядит ситуация в этой области в России по сравнению с другими странами? К кому Россия ближе в этом отношении — к развитым странам или к странам, которые раньше относились к “третьему миру” и где модернизация началась гораздо позже? Ответы на эти вопросы представляют не только теоретический интерес, но и имеют большое практическое значение, особенно в свете постоянных попыток неолиберального крыла российских элит и экспертного сообщества применить в России опыт и стандарты оплаты труда, обязательного страхования и мер социальной поддержки населения, характерные для стран, ранее относившихся к “третьему миру”.

Для сравнительного анализа моделей доходной стратификации в России, в европейских странах Центральной и Восточной Европы и развивающихся странах с различной ориентацией их политического руководства и уровнем экономического развития был использован массив данных международной программы социальных исследований “*International Social Survey Programme*” (ISSP), в которой участвуют около 50 стран. Это дает колоссальные возможности для анализа моделей доходной стратификации в странах с качественно разными типами социума. Россия участвует в этой исследовательской программе с 1991 г.⁹

Для более глубокого сравнения были отобраны следующие страны¹⁰:

Германия — развитая индустриально ориентированная европейская страна с высокотехнологичной промышленностью, высокими показателями ВВП на душу населения, высоким уровнем доходов граждан и доминированием протестантизма;

Венгрия — постсоциалистическая католическая европейская страна, очень близкая к России по ряду социально-экономических показателей, в том числе по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан;

Болгария — самая бедная страна Евросоюза, сильно отстающая от России по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан, которую, однако, сближает с Россией не только ее социалистическое прошлое, но и то, что в обеих странах доминирует православие;

Венесуэла — развивающаяся католическая латиноамериканская страна, в момент опроса уже много лет возглавлявшаяся левоориентированным лидером; кроме того, в ее бюджете, как и в бюджете России, очень значительную роль играют доходы от продажи нефти;

Мексика — относительно бедная развивающаяся латиноамериканская страна, в которой в момент опроса у власти более 10 лет находилось руководство, проводившее неолиберальный курс, а доминирующей религией является католицизм;

Китай — бедная, хотя и быстро развивающаяся страна Азии, где, в отличие от перечисленных выше стран, процессы урбанизации и индустриализации еще только развиваются, где доминируют конфуцианство, даосизм и буддизм, и все еще сохраняется ориентация на социалистическую модель развития.

Набор включенных в анализ стран позволил проверить сравнительную значимость для формирования моделей доходной стратификации различных факторов. Среди них: *общий уровень экономического развития* (показателем которого выступал размер ВВП на душу населения); *этап индустриализации* (показатель — доля занятых во вторичном и третичном секторах экономики); *степень урбанизированности* (показатели — доля городского населения в составе населения страны в целом и доля занятых в сельском хозяйстве); *уровень доходов населения* (показатель — уровень медианного

⁹ Подробнее об этом исследовании см. на его официальных сайтах: <http://www.issp.org> и <http://www.gesis.org/en/issp/home>.

¹⁰ Сравнивались только индустриальные страны с доминированием городского населения. Очень далекие от России по уровню развития страны Азии и Африки, заведомо имеющие принципиально иную модель доходной стратификации, как, например, Конго, Ангола, Индия, Афганистан и т.п., были полностью исключены из анализа.

дохода); *историческое прошлое* как на протяжении веков (принадлежность к разным цивилизационным ареалам мира и доминирование разных религий), так и сравнительно недавнее — с середины XX в. (социалистическое/несоциалистическое); *политический курс руководства страны* и т.д.

Как показал проведенный анализ, две из семи отобранных для сравнения стран (Россия и Венгрия) имели в 2012 г. не только практически одинаковой уровень ВВП на душу населения, но и близкие показатели медианных доходов в домохозяйствах, доли городского населения и т.д., хотя страны различаются по религиозной ориентации (см. табл. 1). Что же касается других рассматриваемых стран, то уровень их экономического развития, доходов населения, показатели неравенства и т.д. отличались от ситуации в России довольно сильно. В то же время в их числе были страны, очень близкие по отдельным показателям, что делало их сравнительный анализ особенно интересным. Так, ВВП на душу населения с учетом ППС был практически идентичен в двух таких разных странах, как Мексика и Болгария. Православие доминирует в России и Болгарии. Медианный доход в домохозяйствах практически совпадал в Болгарии и Венесуэле, и т.д.

Таблица 1

**Характеристики особенностей доходного распределения
в различных странах (2012 г.)¹¹**

Показатели	Мексика	Китай	Болгария	Венесуэла	Россия	Венгрия	Германия
<i>Медианный доход в домохозяйствах в месяц, долл. по ППС¹²</i>	130,4	300,3	312,5	337,1	565,0	484,1	1250,0
Средний душевой доход в домохозяйствах в месяц, долл. по ППС	220,7	523,3	369,5	465,4	650,2	505,3	1512,7
Отношение медианного дохода к среднему	0,59	0,57	0,85	0,72	0,87	0,96	0,83
Отношение страновой медианы к среднероссийской медиане доходов	0,23	0,53	0,55	0,60	1	0,86	2,21
Соотношение долей доходов или потребления верхних и нижних 10%-ных групп*	20,5	15,0	13,7	68,2	14,0	8,0	6,8
Индекс Джини (Gini-coefficient of inequality)**	48,1	42,2	36,0	39,0	41,6	30,5	30,1
Справочно: ВВП на душу населения по ППС ***	16289,6	11351,1	16208,3	18027,9	25316,6	22997,7	43564,1

* Рассчитано по [The World bank 2016^b]. Данные по Венесуэле — за 2006 г., по Германии — за 2011 г.

** Данные приведены по [The World bank 2016^c]. Данные по Венесуэле — за 2006 г., по Германии — за 2011 г.

*** Данные приведены по [The World bank 2016^d].

¹¹ Для расчета показателей дохода в домохозяйствах в таблице использовался показатель *PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$)* [The World bank 2016^a]. Для характеристики ВВП на душу населения с учетом ППС для демонстрации общего уровня развития страны использовался показатель *GDP per capita, PPP (current international \$)* [The World bank 2016^d]. Фоном в каждой строке выделены максимально близкие к российским показатели.

¹² Здесь и далее все показатели, относящиеся к средним, медианным и т.п. показателям доходов по конкретной стране, если не оговорено иное, рассчитывались на данных массива ISSP-2012.

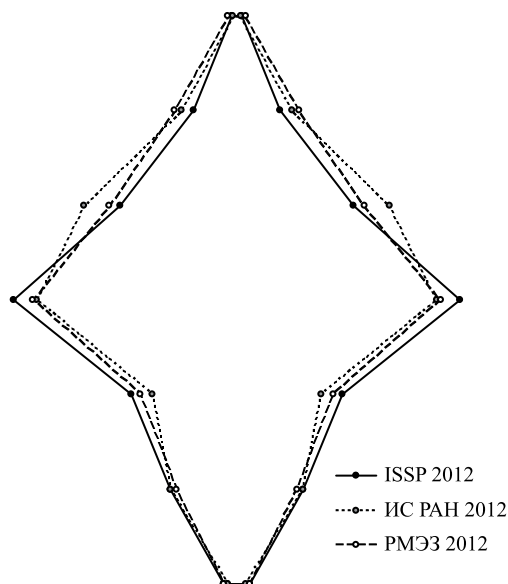

Рис. 1. Модели доходной стратификации массовых слоев российского общества в 2012 г., построенные на основе данных трех разных исследований¹³.

Как видно из таблицы 1, ближе всего по большинству основных показателей доходной стратификации к России находятся постсоциалистические страны Восточной Европы. Однако глубина неравенства доходов, измеряемая индексом Джини, и соотношение среднедушевых и медианных доходов сближают Россию скорее с Китаем, чем с европейскими странами. Хотя в целом параметры модели доходного распределения в России, как и понимание россиянами феномена бедности, говорят о тяготении российского общества к европейскому вектору развития, глубина неравенств, особенно связанных с заниженностью доходов средних слоев населения, свидетельствует о неоднозначности ситуации в этой области и необходимости дополнительного сравнительного анализа особенностей доходной стратификации российского общества.

Наиболее интересный материал для этого дают визуализированные модели. При этом контуры такой модели доходной стратификации в России практически совпадают при использовании различных массивов данных, одновременно полученных разными исследовательскими центрами (см. рис. 1). Это говорит о высокой надежности использовавшихся данных. В то же время следует помнить, что верхние 3–5% населения в массовые опросы не попадают и включение их в модель добавило бы к ней бесконечно длинный и очень узкий шпиль.

Как видим, во всех трех моделях доходной стратификации российского общества, представленных на рисунке 1, прослеживается ряд особенностей: почти полное отсутствие глубокой бедности, предполагающей доходы менее 25% от медианы доходов;

¹³ Под массивом данных ИС РАН подразумеваются результаты исследования Института социологии РАН «О чем мечтают россияне?», проведенного в марте 2012 г. по общероссийской выборке численностью 1600 человек, репрезентировавшей население страны по территориально-экономическим районам, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения (подробнее см. [Идеальное... 2016]). Под массивом данных РМЭЗ подразумеваются результаты 21 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, проведенной осенью 2012 г. (подробнее см. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>). В качестве границ доходных групп, использованных здесь и далее для построения модели, были применены пороги, установленные как оптимальные в ходе большой аналитической работы исследовательского коллектива в составе: В. Аникин, А. Каравай, Ю. Лежнина, С. Мареева, Е. Слободенюк и Н. Тихонова (руководитель). Обоснование этих границ см. [Anikin, Lezhina Y., Mareeva E., Slobodenyuk, Tikhonova 2016].

суживающийся низ модели, свидетельствующий о том, что низкие доходы в российском обществе являются все большим отклонением от нормы по мере их сокращения; наличие больших “крыльев” (медианной группы), в которых сосредоточено около 40% населения.

Совсем иначе выглядят эти модели в странах, находящихся в начале или середине пути к социально-экономической модернизации, например в Китае¹⁴. Особенностью доходной стратификации в этом типе стран выступает очень большой разрыв между средними и медианными доходами даже среди попадающего в массовые опросы рядового населения (см. табл. 1), сравнительно небольшая численность средних слоев, высокая доля в составе населения представителей глубокой бедности, значительная численность высокодоходных слоев (см. табл. 2). Эти особенности не случайны и обусловлены заниженностью в них медианы доходов из-за массовой доиндустриальной бедности, с одной стороны, а с другой – одновременного сосуществования экономических укладов, относящихся к разным историческим эпохам с принципиально разной стоимостью рабочей силы. Понятно, что в полунатуральном (а в некоторых странах Африки и Азии и натуральном) сельском хозяйстве и в имеющихся там очагах современного производства, где зарплаты работников формируются с учетом ситуации на международном рынке труда, доходы будут различаться очень сильно.

Таблица 2

Основные доходные группы и слои в различных странах в 2012 г. (ISSP, 2012 г., в %)¹⁵

Группы и слои	Мексика	Китай	Болгария	Венесуэла	Россия	Венгрия	Германия
Высокодоходные слои, в том числе:	24,9	20,6	9,8	18,6	8,5	4,2	10,4
Состоятельные (4 медиан доходного распределения)	7,7	4,7	0,5	4,2	0,8	0,2	0,5
Обеспеченные (от 2 до 4 медиан)	17,2	15,9	9,3	14,4	7,7	4	9,9
Средние слои, в том числе:	37,9	42,6	60,9	45,9	59,3	61,9	58,6
Среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан)	14	20,4	23,2	20,2	20,3	26,8	22,5
Медианная группа (от 0,75 до 1,25 медиан)	23,9	22,2	37,7	25,7	39	35,1	36,1
Низкодоходные слои, в том числе:	37,2	36,8	29,3	35,5	32,2	33,9	31,0
Уязвимые к бедности (от 0,5 до 0,75 медиан)	15,6	12,7	15,5	18,8	18,4	16,1	20,2
“За чертой бедности”, в том числе:	21,6	24,1	13,8	16,7	13,8	17,8	10,8
Бедные (от 0,25 до 0,5 медиан)	15,1	12,7	9,5	14,4	11,5	14,7	9,2
Глубокая бедность ($\leq 0,25$ медианы)	6,5	11,4	4,3	2,3	2,3	3,1	1,6

Именно поэтому в развивающихся странах, дальше продвинувшихся по пути модернизационных преобразований и урбанизации, где современных рабочих мест больше, картина доходной стратификации выглядит несколько иначе, чем в странах первой группы, в том числе в Китае. Таковы страны Латинской Америки, где, как

¹⁴ Доля городского населения в Китае впервые превысила 50% только несколько лет назад (составив в 2011 г. 51,27%) [Мировой... 2016], сокращение рождаемости в нем носило директивный характер и произошло намного позже, чем в России, а масштабная индустриализация началась на 60 лет позже, чем в России.

¹⁵ Наиболее характерные особенности численности отдельных доходных групп и слоев в разных типах стран выделены в таблице фоном.

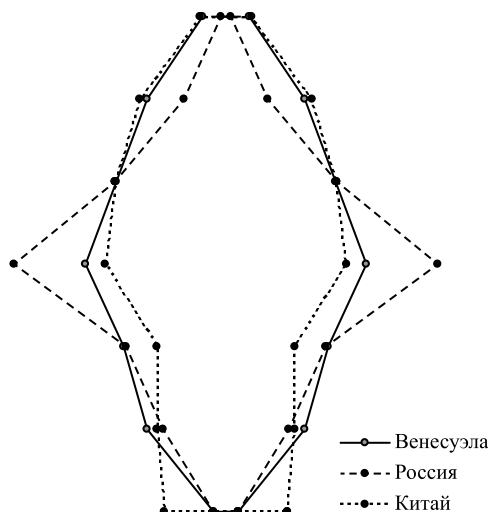

Рис. 2. Модели доходной стратификации в России, Китае и Венесуэле, ISSP, 2012 г., в %¹⁶.

в Мексике, городское население уже не первое десятилетие составляет большинство (и даже, как в Венесуэле, подавляющее большинство). Однако, хотя в развивающихся странах Латинской Америки большинство бедных концентрируются не в селах, а в городах, эти страны характеризуются высоким уровнем прединдустриальной бедности люмпенизированных городских низов. Общая особенность развивающихся стран с незавершенной социальной, экономической и демографической модернизацией — это большая доля низкодоходных слоев населения в структуре общества — так, в Венесуэле она составляла в 2012 г. 35,5% населения, в Мексике — 37,2%, в Китае — 36,8%.

Модель доходного распределения не следует путать с оценкой общего уровня жизни населения той или иной страны. Более того, она формируется под влиянием различных факторов. Так, медиана доходного распределения в Мексике, ориентированной на неолиберальную модель развития, была в 2012 г. вдвое ниже, чем в социалистическом Китае (152,57 долл. США с учетом ППС против 314,76 долл.), хотя ВВП на душу населения был в Мексике в тот момент заметно выше, чем в Китае (см. табл. 1). В то же время в Мексике, уже прошедшей процесс урбанизации, в силу меньшего распространения доиндустриальной сельской бедности доля крайне бедных (с доходами менее 0,25 медианы) была почти вдвое меньше, чем в Китае (см. табл. 2), где в селах и до сих пор проживает почти половина населения.

Если сравнить визуализированные модели доходной стратификации в России и в странах с незавершенной модернизацией, то видно, что *наша страна принципиально отличается от них прежде всего тем, что российское общество безусловно является «обществом среднего класса»* (см. рис. 2).

Если учесть разный уровень медианных доходов, то отличия России от этих стран станут еще ярче, поскольку модели доходной стратификации в странах с незавершенной модернизацией по отношению к России резко «сползут» вниз (см. рис. 3). Так, в Венесуэле уровень медианных доходов составляет примерно 72% от медианы в России, то есть находится на уровне предыдущей доходной группы, а в Китае — на уровне 58%.

Если же обратиться к Мексике — стране с самым бедным населением из всех, включенных в сравнительный анализ, и с относительно высоким ВВП на душу населения, то в ней медиана доходов вообще оказывается на уровне 28% российской медианы, что приблизительно соответствует для российских условий грани между

¹⁶ Модели доходной стратификации здесь и далее построены на основе перевода доходов в каждой стране в долл. США с учетом ППС [The World Bank 2016¹⁶].

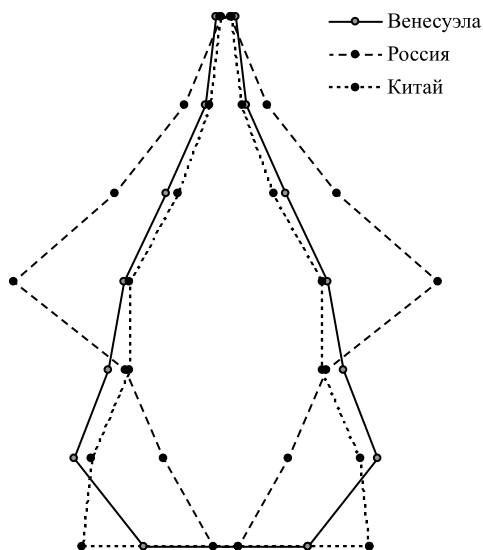

Рис. 3. Модели доходной стратификации в России, Китае и Венесуэле, скорректированные с учетом разницы в медиане доходов, ISSP, 2012 г., в %¹⁷.

бедностью и глубокой бедностью. При этом в модели стратификации мексиканского общества доходы верхней доходной группы из числа попадающих в массовые опросы слоев оказываются с учетом ППС ниже, чем граница в 1,25 медианы, разделяющая медианную и среднедоходную группы российского общества. Это означает, что уровень жизни представителей высокодоходных слоев в них соответствует уровню жизни среднедоходных слоев населения России.

На примере Венесуэлы и Мексики как относительно близких по уровню ВВП на душу населения, по этапу продвижения по пути модернизации, по цивилизационно-культурной принадлежности, доминирующей религии и т.д. хорошо видна и роль политического курса руководства страны в формировании модели доходной стратификации. Если в Венесуэле при У. Чавесе показатели медианных доходов составляли в 2012 г. с учетом ППС 388,16 долл. в месяц, доля средних слоев в составе населения превышала 45%, а численность представителей глубокой бедности была очень мала (2,3%), то в Мексике с ее неолиберальным курсом медианные доходы составляли в тот момент 152,67 долл. в месяц, а доля представителей глубокой бедности достигала 6,5% при минимальной численности средних слоев по сравнению со всеми другими странами, выбранными для анализа (см. табл. 2).

Все вышесказанное не только свидетельствует о принципиальных отличиях модели доходной стратификации в России от ее аналогов в развивающихся странах неевропейского ареала, но и позволяет предположить, что *в формировании этих моделей в той или иной стране решающую роль играет не столько уровень ее экономического развития, сколько ее прошлый исторический опыт, цивилизационные особенности, этап модернизационных преобразований (урбанизированность, продвижение по пути индустриализации и т.д.), а также политический курс ее руководства.*

О значимости этих факторов говорит и анализ моделей доходной стратификации в постсоциалистических странах Восточной Европы. Он также свидетельствует о важности для формирования этих моделей экономических факторов, но особенно цивилизационно-культурных особенностей стран, этапа их продвижения по пути

¹⁷ Модели доходной стратификации построены с учетом пересчета размера доходов, за основу которого принят медианный уровень доходов в России в долл. США с учетом ППС.

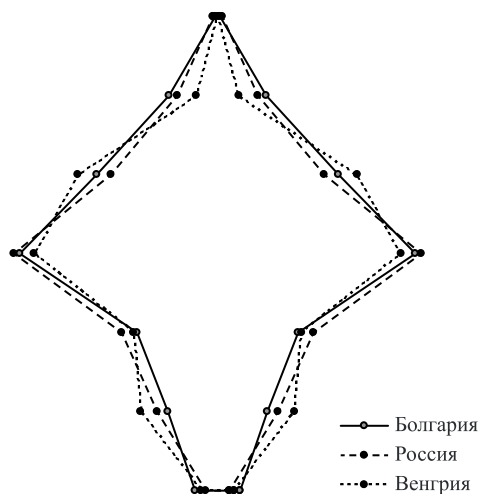

Рис. 4. Модели доходной стратификации в России, Венгрии и Болгарии (ISSP, 2012 г., в %).

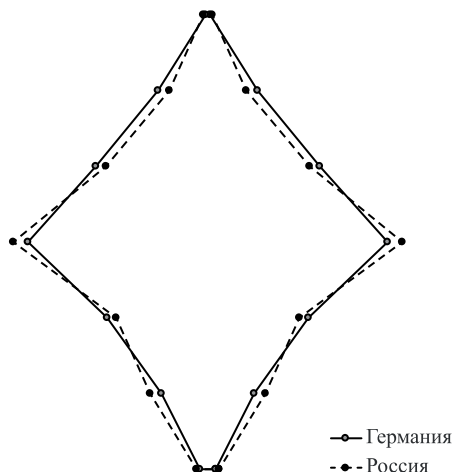

Рис. 5. Модели доходной стратификации в России и Германии (ISSP, 2012 г., в %).

модернизационных преобразований и политического вектора их развития¹⁸. Картина доходного распределения в постсоциалистических европейских странах заметно отличается от стран Латинской Америки и Китая гораздо меньшей долей живущего за “чертой бедности” населения и заметно большей долей средних слоев независимо от уровня их экономического развития. Эти характерные особенности прослеживаются даже в самой бедной стране Евросоюза — Болгарии, медианные доходы населения в которой, как и ВВП на душу населения, был в 2012 г. гораздо ниже, чем в Венесуэле (см. табл. 1).

При этом модели доходной стратификации выглядят практически одинаково в России, Венгрии и Болгарии (см. рис. 4), хотя учет разницы в уровне медианных доходов приводит, как и в случае с Венесуэлой и Китаем, к “сползанию” болгарской модели “вниз”, в результате чего ее медианная группа по реальному уровню жизни будет соответствовать группе “уязвимых” в России. Модель же стратификации массовых слоев венгерского общества, в силу того, что медианные доходы в Венгрии практически идентичны российским, и в этом случае будет практически полностью совпадать с моделью стратификации российского общества.

Что же касается модели доходной стратификации в такой развитой европейской стране, как Германия, давно перешедшей к позднеиндустриальному этапу и вступающей в постиндустриальный этап развития, то, хотя общий уровень доходов там значительно отличается от российского, общие контуры моделей этих стран практически совпадают (см. рис. 5), как, впрочем, и у Германии со странами Восточной Европы. Таким образом, *решающую роль в формировании модели доходной стратификации в этих странах играет их принадлежность к европейской культуре, а также продвинутость по пути модернизационных преобразований в экономической, демографической и социальной сферах, а не опыт сравнительно недавнего социалистического прошлого.*

Речь идет, разумеется, лишь об общих контурах моделей и пропорциях в них различных слоев, определяемых цивилизационно-культурными особенностями стран, под влиянием которых в общественном сознании формируются представления

¹⁸ Что касается влияния религии на модель доходной стратификации, то оно, в отличие от остальных перечисленных факторов, достаточно дискуссионно и напрямую в предпринятом анализе не прослеживалось.

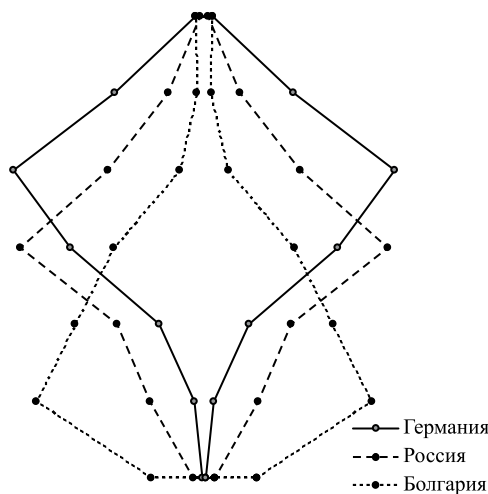

Рис. 6. Модели доходной стратификации в России и Германии, скорректированные с учетом разницы в медиане доходов (ISSP, 2012 г., в %) ¹⁹.

о легитимности определенного уровня и локализации доходных неравенств, допустимой глубине и масштабах бедности и т.д. Если же говорить об уровне жизни различных слоев в России, Германии и восточноевропейских странах, то уровень жизни россиян, попадающих в группу с доходами от 2-х до 4-х медиан, — примерно медианный уровень жизни в Германии, что, естественно, приводит к “сползанию” модели доходной стратификации в России по отношению к немецкому обществу при учете уровня страновых медиан (см. рис. 6). Тем не менее, как видно на рисунке 6, зона пересечения моделей доходной стратификации в России и в Германии, с учетом различий в страновой медиане доходов не так уж мала, а в сравнении с уровнем доходов массовых слоев населения такой европейской страны, как Болгария, россияне выглядят более чем благополучно (см. рис. 6).

Как видим, для европейских стран различия в моделях их доходной стратификации также обуславливаются не разницей в уровнях их экономического развития, хотя на уровень доходов массовых слоев населения уровень экономического развития оказывает прямое влияние. В то же время нельзя забывать о других факторах, оказывающих на этот уровень заметное влияние, в частности о приоритете распределения производимого национального богатства, о реализуемом политическом курсе, об особенностях сложившихся в обществе перераспределительных отношений и т.д. Так, сравнительно низкий уровень доходов населения России по отношению к показателям Германии обусловлен не только тем, что ВВП на душу населения в России ниже, но и тем, что в нашей стране относительно меньшая часть ВВП попадает в виде доходов к массовым слоям населения. Как показывают расчеты на базе ISSP-2012, если в России медианный уровень годового дохода составлял в 2012 г. 25,7% от ВВП на душу населения по ППС, то в Германии он был почти в полтора раза выше (34,8%) ²⁰.

Важный фактор, обуславливающий низкий уровень доходов россиян, в отличие от развитых европейских стран, — общая глубина социальной дифференциации за счет сверхдоходов богатейших людей страны (то есть тех верхних 3–5% населения, представители которых вообще не попадают в массовые опросы), которая в России

¹⁹ Рисунок 6 построен по аналогии с рисунком 3. В нем при пересчете границ доходных групп в Германии и Болгарии за основу расчета также брались показатели медианных доходов в России в долларах США с учетом ППС.

²⁰ Для расчетов использовался показатель ВВП на душу населения см. [The World bank 2016⁴].

очень велика²¹. Это демонстрирует индекс Джини, составлявший в России, по данным Всемирного банка, в 2012 г. 41,6, а в Германии — лишь около 30. Чуть выше он был в Венгрии (30,6) и Болгарии (36,0). В то же время в Венесуэле его показатели достигали 46,9, а в Мексике даже 48,1 [Всемирный банк 2016^c]. Индекс Джини и показатели коэффициента фондов, говорящие о разнице доходов верхних и нижних 10% населения, после периода их быстрого роста в 1990-е гг. находятся с середины 2000-х гг. в России на том же самом уровне [ФСГС РФ 2016^d]. С учетом недовольства россиян сложившейся глубиной доходного неравенства, нынешние ее показатели принимаются предельно допустимыми для нашей страны без дополнительного усиления социальной напряженности. Таким образом, Россия не столько примыкает к странам Латинской Америки, сколько находится между ними и странами Европы, хотя то, что верхние 3–5% населения, и особенно самая верхушка богатых, не беднее аналогичных групп в наиболее развитых странах, притом что остальные имеют гораздо более низкий уровень доходов, чем в развитых европейских странах, вызывает у россиян глубокое недовольство [Мареева, Тихонова 2016].

* * *

Подведем итоги. Модель стратификации по доходам, в основу которой положен принцип соотношения среднедушевых доходов в конкретном домохозяйстве с медианными доходами массовых слоев населения в целом, хорошо отражает особенности, связанные с разными моделями социума. Сравнение полученных таким образом моделей доходной стратификации показывает, что страны, достаточно далеко продвинувшиеся по пути модернизационных преобразований (как, например, пост-социалистические Россия или Венгрия), а тем более завершившие их (Германия), характеризуются иной моделью доходной стратификации, чем страны, находящиеся в начале или середине этого пути (как, например, Китай или Венесуэла). Причем закономерность эта “работает” независимо от общего уровня их экономического развития, ВВП на душу населения и уровня доходов населения, хотя сложившаяся в стране под влиянием исторического опыта и ее цивилизационной принадлежности система институтов, так же как существующий в стране политический строй и курс ее руководства, могут оказывать ощутимое влияние на формирование модели доходной стратификации.

По типу своей стратификационной модели Россия относится, несмотря на существующую в ней глубину доходных неравенств, к европейскому цивилизационно-культурному ареалу, что нашло отражение в общественном сознании россиян, в частности — в их представлениях о справедливых и несправедливых доходных неравенствах, допустимых границах, масштабах бедности и т.д. Однако неолиберальная позиция элит в последние десятилетия привела к параллельному существованию в России европейской по сути модели доходной стратификации и очень глубоких доходных неравенств между “верхами” и остальным обществом, что характерно для стран неевропейского ареала. Эта сторона сложившейся в России стратификационной системы приходит в противоречие с объективным вектором развития страны и вызывает устойчивое недовольство сложившейся ситуацией у рядовых россиян.

²¹ При этом, если говорить о степени неравномерности распределения доходов массовых слоев населения, то, как свидетельствуют данные разных социологических исследований, российское общество характеризуется очень плавным нарастанием доходов от одной 5%-ной группы к другой с коэффициентом примерно 1,1, за исключением трех зон доходного распределения, выпадающих из этой закономерности. Во-первых, это нижние 5% населения, максимальные доходы которых меньше следующей группы в 1,3 раза. Во-вторых, это зона медианного распределения, где сразу три доходные 5%-ные группы имеют практически одинаковый уровень доходов. Наконец, в-третьих, это верхние три группы (15%), для которых коэффициент максимальных доходов по отношению к максимальным доходам в предыдущей 5%-ной группе растет сначала до 1,2, затем до 1,4, а потом и более чем до 2, то есть начинает нарастать по гиперболе, кризисна которой при переходе к не попадающим в массовые опросы слоям становится почти вертикальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014) Бедность в России на фоне других стран // Мир России. № 4. С. 59–95.
- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2016) Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. № 1. С. 78–114.
- Бедность и бедные в современной России (2014) / Под ред. М. Горшкова и Н. Тихоновой. М.: Весь Мир. Гл. 1.
- Всемирный банк. Доклад об экономике России (2014) № 31.
- “Идеальное общество” в мечтах людей в России и в Китае (2016) / Отв. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, П.М. Козырева, Л. Пейлин. М.: Новый хронограф.
- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании (2016) // Мир России. № 2. С. 37–67.
- Мировой атлас данных. Китай. (2016) (<http://knoema.ru/atlas/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D1%8F-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>).
- Российское общество и вызовы времени. Книга третья (2016) / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений (2017) // Общественные науки и современность. № 2. С. 23–35.
- ФСГС РФ (2016^a) Раздел “Уровень бедности”. Таблица “Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации” (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#) (обновлено 08.06.2016).
- ФСГС РФ (2016^b) Российский статистический ежегодник – 2015 г. Таблица 5.5. “Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности” (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm).
- ФСГС РФ (2016^c) Социальное положение и уровень жизни населения России – 2015 г. Таблицы 8.13. “Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания по 10-процентным группам населения в 2014 г.” и 8.16. “Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах различных социально-экономических категорий в 2014 г.” (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm).
- ФСГС РФ (2016^d) Таблицы “Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), коэффициент, январь–декабрь” (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>) и “Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), коэффициент, январь–декабрь” (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>).
- Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N. Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. 2016. No. WP BRP 02/PSP/2016.
- Planning Commission (1978) The Fifth Five Year Plan (1978–83). Islamabad: Government of Pakistan.
- The World bank (2016^a). PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$) (<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=>).
- The World bank (2016^b). World Development Indicators: Distribution of income or consumption (<http://wdi.worldbank.org/table/2.9>).
- The World bank (2016^c). GINI index (World Bank estimate) (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations>).
- The World bank (2016^d). GDP per capita, PPP (current international \$). Mexico (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations>).

Income Stratification in Russia in Comparison with Other Countries

N. TIKHONOVA*

***Tikhonova Natalya** — doctor of science (Sociology), professor-researcher, the National Research University “Hifher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. Chief Researcher, Institute of Sociology RAS. Address: 24/35, 5, Krzhizhanivskogo str., Moscow, 109544, Russian Federation. E-mail: ntikhonova@hse.ru

Abstract

In the article (that is part of a block of two articles, the first of which was published in the previous issue of the journal) analysis of income stratification specifics in Russian society in comparison with other countries (Germany, Hungary, Bulgaria, Venezuela, Mexico, China) is presented, based on the data from several nationwide surveys. It is shown that the model of income stratification based on the relation between per capita income in a particular household and median income in the country efficiently captures features that are associated with different models of society. Russian specifics of income stratification in comparison to other countries is analyzed. Based on the comparative international data of “International Social Survey Programme” (ISSP), it is demonstrated that income stratification model of the Russian society is typical of European countries. At the same time, according to the depth of income inequality Russia occupies an intermediate position between European countries and countries of the former “third world”.

Keywords: social structure, stratification, income, social status, modernization, poverty

REFERENCES

- Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N. Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. 2016. No. WP BRP 02/PSP/2016.
- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2014) Bednost v Rossii na fone drugih stran [Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 59–95.
- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2016) Bednost i neravenstvo v stranah BRIKS: rossiyskaya spetsifika [Poverty and Inequality in BRICS Countries: Russian Specifics]. *Obschestvo i ekonomika*, no. 1, pp. 78–114.
- Bednost i bednye v sovremennoy Rossii* (2014) [Poverty and Poor in Modern Russia]. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (eds). Moscow: Ves Mir.
- FSGS RF (2016^a) Razdel “Urovenbednosti”. Tablitsa “Velichina prozhitochnogo minimuma v tselom po Rossii i po sub’ektam Rossiyskoy Federatsii” [Section “Poverty Level”. Table “Subsistence Level in Russia in General and by Subjects of Russian Federation”] (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#).
- FSGS RF (2016^b) Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2015 g. Tablitsa 5.5. “Srednegodovaya chislennost zanyatykh v ekonomike po vidam ekonomicheskoy deyatel’nosti” [Russian Statistical Yearbook – 2015. Table 5.5. “Average Annual Number of Employed in the Economy by Type of Economic Activity”] (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm).
- FSGS RF (2016^c) Sotsialnoe polozhenie i uroven zhizni naseleniya Rossii – 2015 g. Tablitsy 8.13. “Potrebleniye, pishchevaya i energeticheskaya tsennost produktov pitaniya po 10-protsentnyim gruppam naseleniya v 2014 g.” i 8.16. “Nalichie predmetov dlitelnogo polzovaniya v domashnih hozyaystvakh razlichnykh sotsialno-ekonomicheskikh kategoriy v 2014 g.” [Social Position and Standard of Living of Russian Population – 2015. Table 8.13. “Consumption, Nutrition and Energy Value of Nutrition by Population Deciles in 2014” and Table 8.16. “Durable Goods in Households in Different Socio-Economic Categories in 2014.”] (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm).
- FSGS RF (2016^d). Tablitsy i “Koeffitsient Dzhini (indeks kontsentratsii dohodov), koeffitsient, yanvar-dekabr” (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>) i “Koeffitsient fondov (sootnosheniye dohodov 10% naibolee i 10% naimenee obespechennogo naseleniya), koeffitsient, yanvar-dekabr” [Tables “Gini

Coefficient (Income Concentration Index), January-December” (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>) and “Decile Coefficient (Ratio of Income of the Richest 10% to the Poorest 10%), January-December”] (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>).

“*Idealnoe obschestvo*” v mechtah lyudey v Rossiii i Kitae (2016) [“Ideal Society” in the Dreams of People in Russia and China]. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova, P.M. Kozyreva, L. Peylin (eds). Moscow: Novyyi hronograf.

Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Bednost i sotsialnyie neravenstva v Rossii v obschestvennom soznanii (2016) [Public perceptions of poverty and social inequality in Russia]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 37–67.

Mirovoy atlas dannyih. Kitay (2016) [World Data Atlas. China] (<http://knoema.ru/atlas/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D1%8F-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>).

Planning Commission (1978) *The Fifth Five Year Plan (1978–83)*. Islamabad: Government of Pakistan.

Rossiyskoe obschestvo i vyizovy vremeni. Kniga tretya (2016) [Russian Society and the Challenges of the Time. Book three]. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonovoy (eds). Moscow: Ves Mir.

Tikhonova N.E. Stratifikatsiya po doходу v Rossii: spetsifika modeli i vector izmeneniy (2017) [Income Stratification in Russia: Model Specifics and Vector of Dynamics]. *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 23–35.

Vsemirnyi bank. Doklad ob ekonomike Rossii (2014) [World Bank. Russia Economic Report], no. 31.

The World bank (2016^a). PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$) (<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=>).

The World bank (2016^b). World Development Indicators: Distribution of income or consumption (<http://wdi.worldbank.org/table/2.9>).

The World bank (2016^c). GINI index (World Bank estimate) (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations>).

The World bank (2016^d). GDP per capita, PPP (current international \$). Mexico (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations>).